

ДИПА САНГЬЕ ГЬЯЦО (1653–1705) КАК СЕКРЕТАРЬ ДАЛАЙ-ЛАМЫ

© 2024

Б. У. Китинов¹

Статья посвящена деятельности *дипы* (*депа*, *дэси*, *десрида*) Сангье Гьяцо (1653–1705), человека с незаурядными данными и уникальной судьбой, видного ученого, политика и дипломата. Фактически он был первым министром при Далай-ламе, отвечая буквально за все сферы внутренней и внешней политики Тибета. Его компетентность и активность настолько соответствовала ситуациям и процессам, что он обращался за советами к Далай-ламе в крайне редких случаях. Вообще же он исполнял множество обязанностей, к которым можно отнести и секретарские. Именно они позволяли ему организовывать время и встречи Далай-ламы, готовить документы и распоряжения. Он был ключевой фигурой во взаимодействии с ойрато-монгольским миром и цинскими правителями Китая и смог осуществить крайне деликатную операцию — сохранить на много лет информацию о кончине Далай-ламы Пятого и воспитать его перевоплощенца, Далай-ламу Шестого.

Деятельность *дипы* Сангье Гьяцо наиболее рельефно выделяется, если сопоставлять ее с активностью его предшественника Соднама Чойпела, первого *дипы*, поэтому соответствующее внимание уделено и этому видному тибетскому деятелю первой половины XVII в.

Ключевые слова: *дипа*, Сангье Гьяцо, Соднам Чойпел, Далай-лама, секретарь

Для цитирования: Китинов Б. У. Дипа Сангье Гьяцо (1653–1705) как секретарь Далай-ламы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 4. С. 202–210. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-202-210

DIPA SANGYE GYATSO (1653–1705) AS SECRETARY OF THE DALAI LAMA

Baatr U. Kitinov

The article analyzes the activities of *Dipa* (*Depa*, *Desi*, *Desrid*) Sangye Gyatso (1653–1705), a man with extraordinary abilities and of a unique destiny, a prominent scientist, politician and diplomat. In fact, he was the first minister, being responsible for literally all areas of domestic and foreign policy. His competence and activity were so consistent with situations and processes that he turned to the Dalai Lama for advice on extremely rare occasions. In general, he performed many duties, which included very special one — the secretarial. This position allowed him to organize the time and meetings of the Dalai Lama, to prepare documents and orders. He was a key figure in interaction with the Oirat-Mongol world and the Qing rulers of China, and was able to carry out an extremely delicate mission — to conceal the information about the death of the Fifth Dalai Lama for many years and to educate his reincarnation, the Sixth Dalai Lama.

---

¹ Китинов Баатр Учаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kitinov@mail.ru

Baatr U. Kitinov, D. Litt. (Hist.), Leading Researcher of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; kitinov@mail.ru.
ORCID: 0000-0003-4031-5667

The activity of *Dipa* Sangye Gyatso stands out most clearly when compared with the activity of his early predecessor Sodnam Choipel, the first *Dipa*, therefore appropriate attention is paid to this prominent Tibetan figure of the first half of the eighteenth century.

Keywords: *Dipa*, Sangye Gyatso, Sodnam Choipel, Dalai Lama, secretary

For citation: Kitinov B. U. *Dipa* Sangye Gyatso (1653–1705) as Secretary of the Dalai Lama. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 202–210. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-202-210

Введение

Сангье Гьяцо (1653–1705) отличился буквально во всех значимых сферах политики, управления и даже медицины Тибета. Им совместно с Далай-ламой составлялись предписания и руководства для лидеров монгольских народов, он принимал участие в написании особого тибетского закона, в котором отразились произошедшие в Стране Снегов перемены. Речь идет об акте, известном как *Mchod yon nyi zla zung gi khrims yig* (Закон двойности, одаряемого и дарителя, солнца и луны) [Китинов, 2024, с. 313]. Он является составителем важных трактатов по астрологии и астрономии, в частности, таких трудов, как астрологические трактаты «Вайдурья-карпо» («Белый берилл») и «Вайдурья-онбо» («Голубой берилл»), историки его знают еще и как автора биографии Далай-ламы Пятого Лобсанга Гьяцо, более известной как «Четвертый том Автобиографии Далай-ламы Пятого» [Sangs rgyas, 1999]. В этой связи следует отметить, что, хотя Сангье Гьяцо обычно не называют в историографии секретарем Далай-ламы, именно его близкое знакомство с тибетским лидером позволило написать такую книгу о своем патроне, что специалисты уверенно именуют ее как дополнительный, четвертый том к автобиографии Далай-ламы. Безусловно, имея в виду специфичные условия Тибета, сложно сопоставлять функции секретаря, как это понимается в условиях европейского делопроизводства, с подобными при всевластии Далай-ламы, но аналогии уместны.

Официально титул Сангье Гьяцо звучал как *дипа* или *десрид*, иногда переводимый как «регент». В. Д. Шакабпа указывает на обширную сферу деятельности *дипы*: «Регент (*rgyal tshab* или *sde srid*) выполняет все обязанности как в религиозных, так и в политических делах, как и Далай-лама, до тех пор, пока новое воплощение Далай-ламы не сможет взять на себя ответственность» [Shakabpa, 2010, p. 79].

Сфера обязанностей Сангье Гьяцо действительно была обширна: к 13 основным должностям со временем добавилась позиция чиновника, ответственного за жертвоприношения, и еще три другие. Основной у него была управленческая работа, которая позже, при распределении сферы его работы другим чиновникам, охватила такие сферы, как деятельность министров, полководцев, судей, начальников уездов, служителей храмов, посланников с императорскими указами и др. [Vod mi'i, 2002, p. 32].

Сама история *дипы* Далай-ламы насчитывает чуть более 60 лет — она началась в 1642 г., когда Далай-лама Пятый Нгаванг Гьяцо возглавил Тибет и был назначен первый *дипа*, и фактически завершилась в 1705 г., когда пятый *дипа* Сангье Гьяцо был обезглавлен. Это был исключительный период в истории Тибета, когда его политика формировалась не только (а временами и не столько) Далай-ламой, но и его *дипой*.

Первый *дипа* Соднам Чойпел

Первым *дипой* на службе у Далай-ламы был Соднам Чойпел (обычно до занятия поста *дипы* в 1642 г. называемый приближенным Далай-ламы), чьи заслуги перед школой Гелук в первой половине XVII в. были чрезвычайно велики.

Первый значительный политический успех он обрел в конце 1620-х годов, когда провел удачные переговоры близ озера Кукунор (северо-восток Тибета) с двумя сыновьями тумэтского правителя Холочи — Гуру Хунтайджи и Лхацун Лобсан Тензин Гьяцо. В результате эти монгольские правители во главе своих войск прибыли в Тибет на помощь Гелук в 1619–1621 гг. [The Autobiography, 1969, p. 3]. За успешное выполнение возложенных на него поручений Соднам Чойпел был поощрен резиденцией в Ганден Пходранге [Ngag dbang, 2012, p. 50]. Тогда же он отыскал «перерожденца» Четвертого Далай-ламы, Пятого Далай-ламу.

Искусство проводить переговоры обусловило в начале 1635 г. очередную поездку Соднама Чойпела, но уже к ойратам (в регион Тарбагатая), во главе посольства от руководства Гелук для выпрашивания помощи ввиду давления со стороны кармапинцев, управлявших Цзаном, западно-тибетским регионом [Kitinov, Lyulina, 2023, p. 178]. Почему выбор пал на ойратов? На этот вопрос вполне исчерпывающий ответ дал известный историк XVIII в. Сумба-хамбо: в то время «из среды находящихся в Монголии многих племен олетские (то есть ойратские. — Б.К.) ханы придерживались только одной религии Цзонхавы» [Пагсам-джонсан, 1991, с. 46].

По согласованию ойратских лидеров с Соднамом Чойпелом Гуши-хан повел свои войска, состоявшие из ойратов-хошутов, из места своей временной ставки (горы Тарбагатая) к озеру Кукунор, где в начале 1637 г. были разгромлены силы монгольского тайджи Цогто, сторонника Карма Текйонг Ванпо, правителя (*дипы*) Цзана, возглавлявшего школу Кармапа красношапочная. Однако, когда Гуши-хан не остановился на достигнутом и пошел маршем в восточный Тибет, в провинцию Кхам, Далай-лама обратился с вопросами к Соднаму Чойпелу. И тут раскрылось, что тот самостоятельно принял решение о необходимости разгрома хошутами сил правителя Кхама, который якобы угрожал войти в союз с цзанским *дипой* ради уничтожения Гелук.

Далай-лама был против продолжения военных действий, которые уже принесли немало страданий людям. В итоге бурного обсуждения было решено, что силы Берийского лидера Кхама Донье Дордже необходимо подавить, но далее Гуши-хану следует возвращаться к себе в Кукунор. Его армии запрещено подчинять себе Цзан. Соднам Чойпел был не согласен с такой постановкой, так как он считал, что армия Цзана таит в себе угрозу продолжения давления на Гелук и что Тибет нуждается в единой политической власти. В итоге Далай-лама написал письмо Гуши-хану, где потребовал от него прекратить военные действия после подчинения Бери и не двигаться в Цзан. Однако гонец перед отправлением с этим письмом к хошутам имел встречу с Соднамом Чойпелом, от которого получил устные указания для Гуши-хана [Dhondup, 1984, p. 21]. В итоге Гуши-хан двинул свои войска в Кхам, где через год боев смог подчинить себе этот важный тибетский регион и пленить Донье Дордже, который вскоре был казнен. Ламы различных тибетских школ, бывшие у него в заключении, были освобождены.

В «Автобиографии» Далай-ламы Пятого отмечено следующее событие, имевшее место в период пребывания Гуши-хана в Лхасе в начале 1638 г.: «Чой-йон совместно обсудили вопрос, касающийся помощи управлению на землях халха и ойратов в вопросе пропаганды (учения), и решили послать (туда) Дархан-нангсо и Гедун Даргье. Правитель предложил мне посетить Сог-юл, и по причине особенных отношений (с ним) я принял приглашение» [Ngag dbang, 2012, p. 156]. Под чой-йон (система «наставник — милостынедатель») Далай-лама подразумевал не себя и Гуши-хана,

но Соднама Чойпела и хошутского лидера. Также здесь подчеркивается факт особых отношений между хошутским и тибетским лидерами.

Через три года, в начале 1641 г., в дни празднования фестиваля «монлам ченмо» Гуши-хан вновь посетил Лхасу, где встретился с Далай-ламой, который заявил, что хану теперь, по окончании боевых действий, следует вернуться домой. К его изумлению, Гуши-хан ослушался указания и направился с войсками в Цзан. Далай-лама вызвал к себе Соднама Чойпела, и тут выяснилось, что Чойпел дал секретные указания хану захватить Цзан. Несмотря на требования Далай-ламы остановить продвижение хошутских войск в западный Тибет, Соднам Чойпел резонно ответил, что уже нельзя остановить войска союзников, поскольку цзанский *дипа* уже предупрежден. Тут во время споров Далай-ламе принесли письмо от Гуши-хана с просьбой вызвать Панчен-ламу из монастыря Ташилумпо в Шигацзе, расположенного в Цзане, поскольку им как защитой мог воспользоваться Текйонг Ванпо. Чойпел предложил написать письмо ламе, что Гуши-хан якобы направляется в Кукурнор, но две его супруги хотят получить благословение от Панчена и ждут его в Лхасе. Письмо вскоре было доставлено к Панчен-ламе, но к тому времени *дипа* Цзана уже знал о нависшей над ним опасности и просил ламу убедить хана не нападать на него. Панчен встретился с ханом, но тот отказался остановиться и продолжил наступление. Вместе с ним в арьергарде двигался и Соднам Чойпел [Dhondup, 1984, p. 23].

В целом Цзан был покорен довольно скоро, но цзанский *дипа* укрылся в крепости Таши Жинон и оттуда наносил ойратам чувствительные удары. Когда стало ясно, что подчинить этот укрепленный пункт будет непросто, Соднам Чойпел бросился к Далай-ламе просить посредничества между сторонами, на что лама припомнил ему самоуправство и инициативу начать войну с цзанцами. Стало ясно, что нет иного выхода, кроме как закончить войну победою, поскольку Далай-лама заявил, что он не останется в Лхасе под властью цзанцев, если те победят [Ngag dbang, 2012, p. 186].

В январе 1642 г. монастырь-крепость Таши Жинон была взята штурмом, *дипа* с ближайшим окружением пленены. Торжественная церемония возведения на престол Далай-ламы состоялась 13 апреля 1642 г. там же, в форте Шигацзе (подробнее об этом: [Shakabpa, 2010, p. 347–348]).

На церемонии утверждения правления Далай-ламы первым министром (*диноу*, также называемым в историографии регентом), как отмечалось выше, был назначен Соднам Чойпел (занимал должность до 1659 г.), чьи усилия в военном разрешении кармапинско-гелукпинского конфликта были высоко оценены и кому хошуты доверяли. Это была устраивающая все стороны фигура, кроме того, сам *дипа* нуждался в поддержке хошутов.

В «Краткой политической истории Тибета» Гуру Таши, написанной в 1813 г., указано: «Начиная с регента Соднам Рабдана... и Гуши Тензин Чогьяла... форма правления была известна как отношения покровителя и священника, и они выполняли все управляющие и царские функции. Его Святейшество Всезнающий Великий Пятый продвигал религиозную деятельность, как во времена Пхагпа... и все тибетское царство управлялось в мире, объединяя солнце и луну религии и политики» [Dan, 1991, p. 341]. Здесь также показателен особый момент — религия, определенная как солнце, а политика — как луна даны неразрывно связанными между собой, что следует охарактеризовать как сущностную черту истории и политики не только у тибетцев, но и у ойратов. Также следует отметить особенную роль *дипы*, способствовавшего «объединению солнца и луны религии и политики».

Важная роль *дипы* (указан ниже как *дэва*) была отмечена и европейскими путешественниками (в отношении последующего *дипы*, в 1661 г.): «Тангут — великое татарское царство... Его король называется дэва... Его лицо было смуглым, а одежда была полностью похожа на одежду ламы», — писали иезуиты Альберт де Дорвилль и Йохан Грубер (Kircher, 1986, p. 63). Далее они

отмечают: «В этой стране два короля, первый из которых отвечает за надлежащее управление делами страны. Его называют дэвой... Другой король отстранен от суевы всех посторонних дел и наслаждается отдыхом в тайных уединениях своего дворца. Ему поклоняются как божеству не только местные жители, но и все подданные правители Тартарии, которые добровольно совершают к нему паломничество. Они обожают его как истинного и живого Бога. Они даже называют его Вечным и Небесным Отцом и поклоняются ему многими дарами, которые привыкли дарить ему» [Kircher, 1986, p. 65].

После смерти Чойпела *дипой* в 1660 г. стал Принле Гьяцо, который скончался в начале 1668 г. Далай-лама сам занимался светскими делами до осени 1669 г., когда он отправил гонцов к хошутам в Кукунор для консультаций по кандидатуре нового *дипы*. Им стал Лобсан Тхудоб, которого сменил Лобсан Джинпа, а в 1679 г. последнего сменил его племянник Сангье Гьяцо.

Дипа Сангье Гьяцо

Правление Сангье Гьяцо как регента по ряду показателей вполне можно сопоставить с периодом управления Тибетом первого *дипы* — Соднама Чойпела, находившиеся между ними три *дипы* не оставили заметного следа в истории страны. Как и первый *дипа*, Сангье Гьяцо выделился как замечательный управленец и администратор, но также отметился и в сфере, обычно присущей секретарям: он фиксировал все события, записывая имена, даты, действия, организовывал встречи Далай-ламы и др. [Sangs rgyas, 1999, p. 279–280, 285, 290 и др.]. В частности, можно отметить такой пассаж из его книги: «В дальнейшем, для поклонения хранилищу нашей веры, нашего персонального божества (Пятого Далай-ламы), ради всех семи отделов почитания, я распорядился написать 15 больших изображений Далай-ламы» [Sangs rgyas, 1999, p. 350].

Основные события, где полностью проявился талант *дипы*, имели место после кончины Далай-ламы в начале 1682 г. Речь идет о событиях, случившихся в связи с активизацией внешней политики Джунгарского ханства при правлении Галдана, пришедшего там к власти в 1671 г. Галдан в детстве был отправлен на учебу в Тибет, и неудивительно, что он мог консультироваться со своими тибетскими наставниками, в первую очередь с *дипой*, вместе с которым он учился.

У джунгаров были сложные взаимоотношения с восточными монголами [Kitinov, 2020]. Причин такому положению дел было немало, но основная, значительно ухудшившая их взаимодействие, нашлась вполне соответствующая: проявленное неуважение к посланнику Далай-ламы на объединенном съезде монгольских правителей в 1686 г. в местечке Хурэн-Бэлчир, имевшем место под патронажем цинского императора Канси.

Вскоре после съезда Галдан с целью выяснения ситуации направил в Халху своего брата Дорчжичжаба с небольшим отрядом, но отряд был разгромлен, а Дорчжичжаб убит. Так появился повод к военным действиям против монгольского Тушэту-хана. Галдан весной 1688 г. с тридцатитысячным войском перешел через Хангай и вторгся в Халху. Началась ойрато-халхаская война. Войска Тушэту-хана были разбиты, огромная территория Халхи быстро переходила под контроль Галдана.

Официальная история династии Цин «Цин шилу» приводит слова Галдана, обвиняющего Тушэту-хана и его брата Дзебцун-дамба *хутухту*, возглавлявшего халхаское буддийское духовенство, в убийстве Дзасакту-хана, другого монгольского правителя, и своего младшего брата. Реакция императора была примирительной: «Тушэту-хан и другие оставили клятвы о союзе, убили Цзасакту-хана, напали на ойратов, убили младшего брата Галдана Дорчжи-Чжаба. Это целиком их вина. Необходимо отправить людей с повелением Далай-ламе и приказать ему отправить известного

Великого ламу вместе с министрами, которых предоставит трон, для переговоров с представителями Галдана и Тушэту-хана» [Китинов, Цян, 2018, с. 84].

Также император в январе 1689 г. обращается к Далай-ламе: «Галдан относится с большим почтением к твоим, лама, законам и принципам. И потому, если ты также пошлешь туда послов, чтобы они приказали двум государствам впредь навечно прекратить вооруженную борьбу, то и твое и мое основное желание — вызволять запутавшихся и опекать попавших в беду — будет удовлетворено. Если ты, лама, будешь посылать туда послов, то их можно будет направить совместно с моим посольством» ([Китинов, Цян, 2018, с. 84–85]; [Мартынов, 1978, с. 145]).

В декабре 1689 г. Шамбалин-хамбо передал Канси пожелание Далай-ламы отдать Тушэту-хана и *хутухту* Галдану, при этом гарантировал им жизнь. Император заподозрил Далай-ламу в поддержке джунгаров: «Если сейчас схватить Тушэту-хана и Джебдзун-Дамба-хутухту и отдать их Галдану, то значит, мы поддерживаем одну из сторон. Куда тогда приведут мои и твои страстные устремления, чтобы ойраты и Халха жили в мире и согласии? ... Я отказываюсь верить, что те слова, что мне передал Шамбалин-хамбо, принадлежат тебе, лама. Если это твой совет, то почему ты не предоставил детальный доклад? Я очень сомневаюсь» [Китинов, Цян, 2018, с. 85]. К тому времени Далай-ламы не было в живых уже 7 лет, все его функции взял на себя *дипа* Сангье Гьяцо.

Канси не мог отвлечься на Галдана, так как нарастали обострения между Цинской империей и Россией на Дальнем Востоке. Император был вынужден пойти на мирные переговоры с Россией, закончившиеся подписанием Нерчинского договора 27 (29) августа 1689 г. Хотя граница между государствами не была четко обозначена, в целом пограничные споры были урегулированы. Такой документ был крайне важен для Цинов: он позволял начать войну с джунгарами.

Так началась цинско-джунгарская война. Летом 1696 г., после окончательного разгрома Галдана и допроса пленников, Канси узнал, что Далай-ламы, скорее всего, уже много лет нет в живых. Он отметил в своих записях: «... странная история, что Далай-лама, в действительности, уже мертв более девяти лет... и что дипа... сокрыл это и заставил Панчен-ламу присоединиться к себе, и что они выпустили фальшивое предсказание от имени Далай-ламы: “К Галдану придет успех, если он пойдет на восток”» [Aris, 2015, p. 114]. Но, не будучи до конца уверенным, он в июне 1696 г. направил своего представителя в Лхасу, одновременно указывая Сангье Гьяцо на его возможную вину:

«Вы скрыли известие о паринирване Далай-ламы, самовольно действовали от его имени и спровоцировали мятеж Галдана... На первый взгляд дибба исповедует учение Цонкапы, но на самом деле он тайно вступил в сговор с Галданом и обманывал Далай-ламу и Панчен-ламу, нарушая тем самым учение Цонкапы... Я не виню Далай-ламу, князей и ханов Куконора. Теперь я отправляю послов в место проживания [в покои] Далай-ламы. И если он жив, то мой посол встретится с ним лично, чтобы обсудить договоренности с Галданом согласно моим планам. Я не могу уделить внимание всем мирским делам, однако если дибба обманет моего посла и не разрешит ему встретиться с Далай-ламой, то я не смогу с этим фактом смириться» [Китинов, Цян, 2018, с. 87].

Император допускал связь активности Галдана с «обманом» *дипы*. Император писал *дипе*: «Ты говорил моим послам про Четырех олётов (ойратов), что они якобы являются у тебя защитниками веры и покровителями. Как я могу спокойно смотреть на то, что ты призываешь Четырех олётов и просишь их помогать тебе?» [Джамбадорджи, 2005, с. 123]. *Дипа* встретился с представителями императора и заявил, что Далай-лама скончался еще в начале весны 1682 г. и уже имеется его очередное воплощение. Более подробную информацию он пообещал представить через своего посланника. В конце 1696 г. (либо в начале 1697 г.) к императору с двумя письмами от него прибыл Ныматан Шабдрунг-хутухту, на аудиенции в Пекине сообщивший Канси, что Далай-лама Пятый скончался еще 16 годами ранее и уже есть его 15-летнее воплощение Цаньян Гьяцо (1683–1706).

Канси был крайне недоволен, но согласился с просьбой отложить объявление об этом до осени 1697 г., хотя и потребовал сообщить эту новость всем ойратам [Aris, 2015, p. 114–115]. До тех пор, пока *дипа* не получил эту, в целом скорее положительную, нежели отрицательную, реакцию императора, он в страхе возможного вторжения маньчжурских либо монгольских войск приказал совершать службы, в том числе с использованием ритуалов *бонпо* и их магических «бомб» (*btso*) [Aris, 2015, p. 115].

Летом 1703 г. новым хошутским «царем» (гьялпо) Тибета стал Лхавзан, праправнук Гуши-хана. Ему противостоял Сангье Гьяцо, фактически в одиночку руководивший Тибетом в период после Далай-ламы Пятого, сумевший добиться ослабления в стране хошутского влияния и противостоять Лхавзану.

Закат славы *дипы*

Когда пятый Далай-лама скончался в 1682 г., Сангье Гьяцо надеялся сохранить авторитет и преданность Великому Пятому. Он считал, что в таком случае можно будет продолжать получать внешние потоки финансирования и всякой помощи, способствовать гармонии между монголами и китайцами в приграничных районах и контролировать тибетское правительство [Shakabra, 2010, p. 381].

Если появлялись посетители, которые требовали встречи с Далай-ламой, то роль последнего исполнял Депа Трерап, монах из Намгьял, личного монастыря Далай-ламы, который внешне был похож на Далай-ламу и был того же возраста. Что касается церемоний и ритуалов, в которых Далай-лама обычно принимал участие, то они проводились, как и прежде.

Могущество *дипы* было столь масштабным, что когда его проинформировали о рождении особенного ребенка 23 (28) марта 1683 г. в Мон-юл (Таванг) на границе с Бутаном, он обратился за предсказаниями к ламам и божествам о подлинности инкарнировавшегося, не особо беспокоясь о тайне смерти Далай-ламы [Shakabra, 2010, p. 385]. Проведенные с ребенком тесты показали необходимые для *дипы* результаты — это могло быть перевоплощение Пятого Далай-ламы. Вместе с тем все окружение семьи новорожденного, включая его родителей, предполагало, что ребенок был воплощением ламы Дингпоче, потому что тайна смерти Далай-ламы Пятого хорошо скрывалась от посторонних. С трехлетнего возраста мальчик, будущий Шестой Далай-лама Цаньян Гьяцо, жил в изоляции, в окружении лишь нескольких преданных *дипе* человек, занимавшихся его обучением и воспитанием.

Однако последовавшая позже духовная политика и практика молодого Далай-ламы вызвала противодействие со стороны ряда видных лам, выступавших за «чистоту» учения Гелук и составивших ему мощную оппозицию. В основном это были представители известных монастырей Дрепунга и Серы, которые обратились за помощью к хану Лхавзану; последний тоже был недоволен всемогуществом *дипы* и отказом Цаньяна Гьяцо от обетов несколькими годами ранее.

Сангье Гьяцо был вынужден уйти в отставку, поставив на свое место сына — Нгаванг Ринчена. Тем не менее отношения между экс-*дипой* и Лхавзаном обострились. *Дипа* попытался отравить Лхавзана, однако благодаря снадобьям тот оправился и продолжил давление на него. В начале 1705 г. на одном из собраний в Потале, возглавлявшимся Цаньяном Гьяцо, было решено, что хан и *дипа* должны покинуть Лхасу. Лхавзан внешне согласился с требованиями монахов, но сам, продвигаясь в сторону своих соплеменников в Кукунор, собрал войско и с ним вернулся в Лхасу. В решающем сражении армия Сангье Гьяцо была разбита, *дипа* схвачен в плен и увезен в крепость Гонкар, где 6 сентября 1705 г. по указанию Церинг Таши, жены Лхавзана, он был казнен.

Что касается дальнейшего развития института Далай-лам, то после смерти Пятого Далай-ламы, казни Сангье Гьяцо и затем гибели Цаньян Гьяцо он перешел под контроль гелукпинской иерархии и кардинально изменился. Его политическая власть была ограничена, изменилась и соответствующая ритуальная система. Все это привело к тому, что институт Далай-лам стал почти исключительно гелукпинской структурой. Без большой натяжки можно считать, что роль *дипы* Сангье Гьяцо в таких трансформационных процессах была более чем значительной.

После смерти Сангье Гьяцо Лхавзан стал полновластным правителем Тибета. *Дипа* Нгаванг Ринчен был смещен со своего поста и направлен к цинскому двору, который определил ему поселение на северо-востоке империи.

Ойраты-джунгары, захватившие Тибет в 1717–1720 гг. и свергнувшие власть Лхавзана, утвердили должность, в чем-то аналогичную должности *дипы* — *секйонг*. Однако с их изгнанием цинскими войсками в 1720 г. институт *дипы* был окончательно ликвидирован. В Тибете в качестве исполнительного органа был создан совет *калонов* (министров) — *кашаг* во главе с Соднамом Гьялпо, подчинявшимся командиру расквартированных в Лхасе цинских войск. В *кашаг* вошли четыре *калона*.

После смерти 22 марта 1757 г. Калсана Гьяцо, Далай-ламы Седьмого, Цинами была воссоздана должность регента, но она звучала уже как *гьялцаб*, и ее мог занять только *тулку*, т. е. высокопоставленная инкарнация.

Заключение

Дипы при далай-ламах играли важную роль в истории Тибета, особенно это касается периода правления Пятого Далай-ламы. В то время было пять *дип*, из которых наиболее известным следует считать пятого, Сангье Гьяцо. Вместе с тем деятельность Сангье Гьяцо получает особые коннотации и смыслы, если также принимать во внимание время правления первого *дипы* Далай-ламы — Соднама Чойпела, сыгравшего ключевую роль в становлении власти Далай-ламы и школы Гелук в Тибете.

В историографии *дипы* традиционно именуется регентами, но *дипа* Сангье Гьяцо, не столько ввиду его множества функций, сколько из-за масштабов его деятельности, может быть назван еще и секретарем. Он действительно был лицом, приближенным к Далай-ламе, планировавшим его деятельность и фиксировавшим все события. Более того — после кончины Далай-ламы он стал фактически исполнять некоторые функции своего бывшего патрона, в т. ч. осуществляя действия от его имени и контролируя делопроизводство. Разоблачение его незаконных действий маньчжурскими властями ненадолго уменьшило его влияние, он потерял власть в противостоянии с хошутским «царем» Тибета Лхавзаном. Последующая гибель Сангье Гьяцо фактически означала конец эпохи власти *дип* в истории страны, которые при Далай-ламе исполняли множество управленческих функций, в т. ч., благодаря близости к тибетскому лидеру, и секретарскую. Тибет все более вовлекался в зону влияния цинских властей, и подобные фигуры, обладавшие практически неограниченной властью и влиянием, более были не нужны. Поэтому весьма симптоматично, что аналогичная позиция была воссоздана императором исключительно для высокопоставленного инкарнированного ламы, пребывавшего под имперским контролем.

Литература / References

Джамбадорджи. Хрустальное зеркало. *История в трудах ученых лам.* М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 62–154 [Jambadorji. Crystal mirror. *History in the works of learned lamas.* Moscow: Tovarithchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2005. Pp. 62–154 (in Russian)].

Китинов Б. У. Лю Цян. Цинский источник о роли религии во взаимоотношениях между ойратами, Китаем и Тибетом. / Курапов А. А., Герасимиди Е. И., Алиева А. Н. (ред.). *Астраханские краеведческие чтения: сборник статей.* Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2018. С. 82–90 [Kitinov B. U., Liu Qiang. Qing source on the role of religion in the relationship between the Oirats, China and Tibet. / Kurapov A. A., Gerasimidi E. I., Alieva A. N. (ed.). *Astrakhan local history readings: collection of articles.* Astrakhan: Sorokin Roman Vasilievich, 2018. Pp. 82–90 (in Russian)].

Китинов Б. У. *Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов.* М.: ИВ РАН, 2024 [Kitinov B. U. *Buddhism and the religious leaders of Tibet in the history of the Four Oirats.* Moscow: IV RAN, 2024 (in Russian)].

Мартынов А. С. *Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений.* М.: Наука, 1978 [Martynov A. S. *The status of Tibet in the 17th–18th centuries in the traditional Chinese system of political ideas.* Moscow: Nauka, 1978 (in Russian)].

Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета. Пер. с тиб. яз., предисл., коммент. Р. Е. Пубаева. М.: Наука, 1991 [*Pagsam-jeongsan: History and chronology of Tibet.* Transl. from Tibetan language, preface, commentary by R. E. Pubaev. Moscow: Nauka, 1991 (in Russian)].

Aris M. *Hidden Treasures and Secret Lives: A Study of Pemalingpa, 1450–1521, and the Sixth Dalai Lama, 1683–1706.* Shimla: Indian Institute of Advanced Study, 2015.

Bod mi'i kbrims mthun gzhung dga' ldan pho brang dbu brnyes nas lo 360 'khor ba'i bka' drin rjes dran dang ma ongs mdun bskyod kyi kba phyogs. Dharamsala: LTWA, 2002. Vol. 1 [*Towards the celebration of the 360th anniversary of the founding of the Central Government Ganden Phodrang* (in Tibetan)].

Dan M. A Brief Political History of Tibet by Gu-ru Bkra-shis. Ernst Steinkellner (ed.). *Tibetan History and Language: Studies Dedicated to Uray Géza on His Seventieth Birthday.* Arbeitskreis für Tibetische und Buddhistische Studie. Vienna: Universität Wien, 1991. Pp. 329–351.

Dhondup K. *The Water-Horse and Other Years. A History of XVII-th and XVIII-th Century Tibet.* Dharamsala: LTWA, 1984.

Kitinov Baatr U. Incarnations and the Spiritual Leaders as Subject and Object of the Political Activity of the Oirats and Kalmyks (mid. 17th — mid. 18th centuries). Birtalan A., Teleki K., Beres J. (eds.). *Aspects of Mongolian Buddhism 2. Mongolian Buddhism in practice.* Budapest: L'Harmattan, 2020. Pp. 87–97.

Kitinov B., Lyulina A. “Dzungar: Religion and Designation”. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 3. Pp. 173–183.

Kircher A. *China Illustrata.* Transl. by Dr. Charles D. Van Tuyl. No place, 1986.

Ngag dbang blo bzang rgya mtsho mdzad. *Rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i rnam thar du ku la'i gos bzang.* Lhasa: Bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 2012. Vol. 3 [Wrapped in fine silk, the life of the Fifth Dalai Lama, Ngawang Lobsan Gyatso — The Autobiography of the Fifth Dalai Lama (in Tibetan)].

Sangs rgyas rgya mtsho. *Life of the Fifth Dalai lama.* Transl. by Zahiruddin Ahmad. New Delhi: Aditya Prakashan, 1999. Vol. IV.

Shakabpa T. W. D. *One hundred thousand moons: an advanced political history of Tibet.* Transl. and annot. by Derek F. Maher. Leiden, Boston: Brill, 2010. Vol. 1.

The Autobiography of the first Panchen Lama Blo-bzang-chos-kyirgyal-mtshan. 1567–1662. Ed. and intr. by Ngawang Gelek Demo. New Delhi, 1969 (in Tibetan).